Она сама по себе была девушкой миловидной, а сейчас, потянув Хуа Байхэ за рукав и заговорив вкрадчиво и умоляюще, мгновенно заставила эту беспринципную особу сдаться без боя:

— Ладно, ладно, хорошо. Оставь вещи, иди уже по своим делам, там у госпожи тебя ждут.

…

Наступила ночь.

Прижимая к груди домашнее письмо от Цзян Чжэньхая, к которому добавилось ещё одно, присланное императором уже после полудня, Хуа Байхэ приняла у Хуаньси полотенца и прочие принадлежности. Она послушно замерла у входа, ожидая, когда императрица выйдет из купальни, чтобы прислуживать ей лично.

В последнее время Цзян Яо была измотана дворцовыми делами, а сегодня днём ещё и сопровождала вдовствующую императрицу на горячие источники, так что лишь сейчас, вечером, у неё выдалась свободная минутка, чтобы передохнуть.

Хуа Байхэ прождала довольно долго, прежде чем изнутри послышался голос Цзян Яо. В нём сквозила такая сытая, ленивая истома, что у Хуа Байхэ даже мурашки по спине побежали.

Она почтительно толкнула дверь, закрыла её за собой и, глядя исключительно себе под ноги, неслышно ступая, направилась вглубь покоев.

Женщина, сидевшая в огромной купальне, блаженно прикрыла глаза, откинув голову на край бассейна. Услышав шаги, она негромко произнесла:

— Хуаньси, разомни мне плечи.

Хуа Байхэ присела на корточки и, едва коснувшись ладонями её плеч, невольно опустила взгляд на изящную линию ключиц.

На поверхности воды, подёрнутой паром, лениво покачивались лепестки пурпурно-красных роз, которые вместе с дымкой скрывали всё, что было под водой.

Хуа Байхэ лишь мельком взглянула на неё, стараясь сосредоточиться на работе.

Однако, почувствовав первые прикосновения, Цзян Яо вдруг распахнула глаза. Она слегка повернула голову, увидела руку на своём плече и с неясной интонацией спросила:

— Это ты?

Не дожидаясь ответа, она, словно уже всё поняв, снова закрыла глаза:

— Уходи.

Хуа Байхэ, внезапно оказавшаяся в опале, не выказала ни обиды, ни негодования. Как истинная служанка, она достала из кармана письмо, протянула его Цзян Яо и, опустив глаза, произнесла:

— Госпожа, это домашние письма от императора и молодого господина Цзяна… Прошу прощения за то, что осмелилась потревожить вас, я удаляюсь.

Услышав слова домашнее письмо, Цзян Яо сразу поняла, что это Хуаньси уступила Хуа Байхэ возможность прислуживать. Но теперь ей было не до того.

— Постой.

Цзян Яо развернулась и протянула руку из воды. Хуа Байхэ помедлила, прежде чем передать ей послания, не забыв предварительно промокнуть влагу с её ладони мягким полотенцем.

Цзян Яо полуприкрыла глаза. На её лице не читалось ни гнева, ни радости, но она всё равно была пугающе прекрасна. Уголки её глаз, словно подведённые тонкой кистью мастера, казались особенно выразительными.

Зажав письмо императора между пальцами, она выбрала сначала послание от Цзян Чжэньхая.

Пробежав его глазами, она вдруг озарилась такой ослепительной улыбкой, что у Хуа Байхэ перехватило дыхание. Затем взгляд императрицы упал на неё.

Разжав пальцы, Цзян Яо позволила письму от Лю Е легко спланировать прямо в воду. Горячая влага мгновенно пропитала бумагу, и чернила, разумеется, тут же начали расплываться.

Хуа Байхэ удивлённо подняла голову:

— Госпожа…?

Рука соскользнула?

Цзян Яо чуть прищурилась, её тонкие губы приоткрылись, и она бросила всего два слова:

— Подойди ближе.

Хуа Байхэ, ничего не понимая, приблизилась, но тут же почувствовала, как указательный палец Цзян Яо цепляет её за воротник. Резким движением императрица потянула её на себя, и Хуа Байхэ, потеряв равновесие, опустилась на одно колено, упершись рукой в мокрый кафель, лицом к лицу с Цзян Яо.

Застыв в таком положении, императрица неспешно произнесла:

— Как думаешь, почему я игнорировала тебя эти несколько месяцев?

Хуа Байхэ изо всех сил старалась не смотреть на молочно-белую кожу под её ключицами и отвела взгляд:

— Раба глупа, не могу знать.

Цзян Яо усмехнулась, но взгляд её стал холодным.

— Глупа? — переспросила она. — Имея перед глазами такой пример, как я, ты посмела заигрывать с наложницей Цзин? По-моему, ты не глупа, у тебя просто наглости хоть отбавляй.

Хуа Байхэ широко раскрыла глаза, словно не понимая, о чём речь, но тут же привычно склонила голову:

— Госпожа, будьте милосердны, раба… я не смела.

— Не смела заигрывать с наложницей Цзин или… не смела помышлять обо мне? — продолжила Цзян Яо.

Хуа Байхэ пришлось набраться храбрости, она опустилась на колени и приняла самый испуганный вид, клянясь в верности императрице и уверяя, что боится нарушить священный императорский указ.

Цзян Яо холодно слушала её, а потом выделила несколько слов:

— Во всём повиноваться мне?

Хуа Байхэ поспешно подтвердила.

Цзян Яо издала странный смешок, выражение её лица внезапно изменилось. Если раньше она держала её за воротник лишь одним пальцем, то теперь вцепилась всей рукой и рывком потянула её в воду!

С громким всплеском Хуа Байхэ оказалась в горячей воде. С трудом выбравшись, она зашлась в кашле:

— Кхе-кхе… Госпожа…

Цзян Яо уже подалась вперёд, откинула с её лица мокрые волосы и, наблюдая, как капли стекают по ресницам и щекам, медленно проговорила:

— Раз так, то я приказываю тебе: с этой ночи ты будешь ублажать меня.

Хуа Байхэ:

— …???

— Раба в ужасе! Госпожа, пощадите! Я не смею… не смею помышлять ни о вас, ни об императоре…

Цзян Яо приподняла бровь и перебила её:

— Императоре? Кто сказал тебе, что я принадлежу ему?

В тот момент, когда Хуа Байхэ застыла от изумления, Цзян Яо схватила её за руку и, словно желая, чтобы та сама убедилась в истине, потянула под воду…

…

Хуа Байхэ, окутанная густым паром, чувствовала, как её сознание отключается. В голове бились лишь три вопроса: кто я? где я? что я должна делать?

Но Цзян Яо не заботило её замешательство. Вместо привычных двусмысленных намёков и игр, она перешла в прямое наступление, решительно добиваясь своего.

Власть и величие, исходящие от женщины столь высокого ранга, не оставляли места для сопротивления. Да и, признаться, Хуа Байхэ не очень-то хотела сопротивляться.

Пар в покоях сгустился, размывая границы реальности, словно эта сцена дерзости происходила на необитаемом острове, а не в стенах строго охраняемого императорского дворца.

Через четверть часа Цзян Яо, глядя на свою ошеломлённую служанку, не дала ей времени прийти в себя, а наоборот, наклонилась и легко поцеловала её в кончик носа.

Хуа Байхэ сейчас напоминала промокшего цыплёнка, которого вытащили из воды и который теперь мелко дрожал.

Поскольку уровень воды в бассейне не доходил до груди, она не могла даже опуститься на колени, чтобы скрыть своё состояние, и лишь дрожащим голосом спросила:

— Как… как это возможно… госпожа…

В её глазах читалось такое неверие, будто всё происходящее было сном.

В глубине души она лихорадочно размышляла: если Цзян Яо всегда была к ней неравнодушна и не подпускала императора, почему она решила проявить себя именно сейчас?

Интуиция подсказывала, что дело в том письме, которое прислал с границы Цзян Чжэньхай.

Цзян Яо, казалось, наслаждалась её смятением. Несмотря на то, что обнажённой в воде была она сама, держалась она куда увереннее, чем одетая в промокшую одежду Хуа Байхэ.

Она положила руку на правое плечо Хуа Байхэ, и сквозь мокрую ткань проступил узор, который когда-то нарисовала сама императрица.

Цзян Яо улыбнулась, прижавшись лбом к её лбу. От прежней маски мягкости не осталось и следа, в её тёмных, как чернила, глазах промелькнуло что-то порочное. Она повторила слова Хуа Байхэ:

— И правда, почему же так вышло? М?

Хуа Байхэ прекрасно помнила ту ночь, когда из внутренних покоев доносились те самые звуки. Она так и подумала, и так и спросила.

Цзян Яо слегка приподняла бровь и, небрежно коснувшись её воротника, проговорила:

— Ты об этом дне?

Она замолчала, и в уголках её губ заиграла улыбка. Казалось бы, такая утончённая особа, а стоило ей показать истинное лицо, как в ней проснулась такая необузданная страсть, что отвести взгляд было невозможно.

Затем она склонила голову и прошептала Хуа Байхэ на ухо:

— Ты об этом звуке?

— М-м… — нежный, тягучий стон ворвался в уши служанки, переходя в переливы, подобные искусной игре на музыкальном инструменте.

Воистину: крупные струны — как шум ливня, мелкие — как шёпот влюблённых.

У Хуа Байхэ онемели уши. Она в смятении пробормотала Системе:

— Я вдруг захотела прочитать тебе отрывок из школьного учебника.

Система, измученная этим сюжетом, который окончательно вышел из-под контроля, с надеждой спросила:

— Какой ещё отрывок?

Оно надеялось, что если императрица пойдёт на крайние меры, оно хотя бы утешит Хуа Байхэ тем, что в следующей жизни подберёт ей статус получше.

Хуа Байхэ хихикнула:

— Искусство имитации звуков.

Система:

— …

Хуа Байхэ:

— Ой, кажется, я даже вспотела от этого звука.

Система молча включила преобразователь голоса, и всё, что дальше говорила Хуа Байхэ, превращалось для него в кряканье.

В его мире наконец воцарилась гармония.

…

А для Хуа Байхэ эта ночь только начиналась.

Она продолжала изображать крайнее замешательство, хотя в глубине души ей вовсе не хотелось, чтобы это заканчивалось. Пришлось продолжать играть роль.

Она попятилась в воде, чуть не поскользнулась, вцепилась в край бассейна и, опустив голову так, что лицо почти ушло под воду, хрипло прошептала:

— Госпожа, нельзя! Если господин и госпожа Цзян узнают, мне не хватит и девяти жизней, чтобы расплатиться! Госпожа, вы служите самому высокому человеку в Поднебесной, вы должны делать это со всем усердием, как вы можете… со мной…!

Она повысила голос, в котором звучала неподдельная скорбь. Непонятно, что именно заставило Цзян Яо проявить к ней такой интерес, но это не помешало ей продолжать взывать к разуму:

— Моя жизнь ничтожна, но ради меня вы не должны ссориться с императором! Весь двор ждёт рождения наследника, госпожа, не будьте опрометчивы…

Хуа Байхэ не успела договорить, как Цзян Яо прервала её:

— Самому высокому человеку?

Она тихо рассмеялась, словно услышала невероятную глупость.

Хуа Байхэ смотрела на неё в недоумении.

— Цинцзя, ты ошиблась, — сказала императрица. — Тот, кто занимает самый высокий пост в Поднебесной, не обязательно он.

В этот миг у Хуа Байхэ мелькнула догадка: если Цзян Яо переродилась, она должна была знать о войне на северо-западе и о набегах пиратов. Если она приложила к этому руку…

Тогда вполне возможно, что она специально спровоцировала эти события в начале правления Лю Е.

И даже поход императора мог быть частью её расчёта.

Но чего же она хочет на самом деле?

Тот, кто самый высокий в Поднебесной, не обязательно он.

Неужели Цзян Яо собирается сама…?

Увидев изумление в её глазах, Цзян Яо улыбнулась, медленно подошла к ней по воде, обняла за шею и честно призналась:

— Умница.

Она похвалила её. А затем, не давая времени на лишние разговоры, начала слой за слоем снимать с неё одежду, приподняв бровь:

— Я дарю тебе шанс послужить будущему правителю этой Поднебесной. Ты должна благодарить меня, Цинцзя.

Будучи её служанкой, Хуа Байхэ не смела ослушаться, но по требованию Системы была вынуждена изображать сопротивление.

Она дрожала, сжимая руку Цзян Яо:

— Госпожа, почему… почему именно я?

Цзян Яо выдохнула, прикусила её ухо, отчего оно мгновенно покраснело, и прошептала:

— Ты забыла, как мы встретились в первый раз?

Хуа Байхэ застыла.

Она в панике обратилась к Системе:

— Система! Когда я впервые увидела императрицу? Что там по настройкам?

Но Система, предвидя сцены 18+, уже давно спряталось и продолжало игнорировать её, поэтому слышала лишь: «Кря-кря, кря-кря-кря…»

Не дождавшись ответа, Хуа Байхэ оцепенела, а Цзян Яо продолжала:

— Ты была моей первой служанкой. С того дня, как ты встала передо мной на колени и

поклялась, что твоё тело и душа принадлежат только мне, я посчитала тебя своей.

— Ты всегда справлялась хорошо, но почему, когда во двор вошла Шэнь Цинъюй, вы все изменились?

— Я могла простить перемены Лю Е, ведь он в конце концов должен был сесть на трон, и гарем для него был неизбежен. Я и не собиралась ему доверять. Но ты… ты другая.

— Цинцзя, почему ты посмела отвести от меня взгляд, м?

Хуа Байхэ:

— …???

Как на это отвечать?!

Она всерьёз заподозрила, что императрица перепутала сценарий. Где же обещанная утончённость? Почему она ведёт себя как злодейка?!

Она не могла вымолвить ни слова. С одной стороны, её потрясло услышанное, с другой — действия Цзян Яо приводили её в смятение. Тело горело, словно плавилось.

Когда ей делали татуировку, она чувствовала необычную боль, но списала это на неопытность. Теперь же стало ясно: её тело гораздо чувствительнее к боли, зуду и… жару, чем у других.

Цзян Яо дала ей достаточно времени на раздумья, и когда она хотела возразить, императрица припала к её губам, заставляя замолчать.

Лишь испив её дыхание до дна, Цзян Яо погладила её по затылку и тихо произнесла:

— Раз нарушила клятву, должна понести наказание, верно?

…

Спустя час.

Хуаньси долго ждала в соседней комнате, но так и не увидела, как императрица и Цинцзя выходят из покоев. Она была в замешательстве.

Неужели она ошиблась, и они уже вышли? Или императрица позвала Цинцзя искупаться вместе?

Но времени прошло слишком много.

Вспомнив, как другие служанки, которым позволяли купаться в источниках, иногда теряли сознание от долгого пребывания в воде, Хуаньси решилась подойти ближе.

Дверь была приоткрыта, и Хуаньси услышала прерывистые, сдавленные стоны.

Её сердце забилось чаще, но она быстро подумала: император уехал, госпожа томится во дворце Чанлэ уже больше двух месяцев, призовёт она Цинцзя — ничего предосудительного в этом нет.

Но тут она услышала полный отчаяния голос:

— Госпожа, не надо, нет…

Хуаньси:

— …!!!

Она ослышалась?

Хуаньси помотала головой, едва не споткнувшись о порог. Она только выпрямилась, как дверь распахнулась.

Императрица, облачённая в свободный жёлтый халат, несла на руках кого-то, укутанного в тонкое одеяло.

Хуаньси замерла под холодным взглядом Цзян Яо.

Почему-то этот взгляд показался ей смертельно опасным — совсем не тот, к которому она привыкла. У неё по спине побежали мурашки.

Опомнившись, она уже стояла на коленях.

Цзян Яо прошла в свои покои, бросив лишь одну фразу:

— Я сейчас управляю дворцом вместе с вдовствующей императрицей. Ты понимаешь, что будет, если это выйдет за пределы покоев, Хуаньси?

Хуаньси была её верной служанкой, их судьбы были связаны. Она прекрасно понимала.

Неважно, испытывала ли Цзян Яо к своей служанке истинные чувства или просто искала способ снять напряжение — об этом не должен был узнать никто.

Хуаньси низко склонила голову:

— Раба понимает.

…

В ту ночь из внутренних покоев, где отдыхала императрица, до самого рассвета доносился голос, переходящий в хриплый плач.

Хуаньси сидела у двери, глядя на небо, и не могла уснуть.

Она считала звёзды, не зная, что происходит внутри, и не смея об этом думать. Она лишь просила каждую звезду:

Пусть дворец Чанлэ… процветает вечно.

Тогда ни императрица, ни Цинцзя не пострадают, и она сможет притвориться, что ничего не было.

— Неужели госпожа два месяца не давала работы Цинцзя не потому, что была недовольна, а

потому, что… выделяла её?

Хорошо это или плохо — кто знает.

Раздался тихий скрип двери.

http://bllate.org/book/22171/2309621